

ДОБРОВОЛЬНОЕ ХОЛОПСТВО В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.

В. М. Панеях

Во второй половине XVI в., а возможно, и несколько ранее массовое распространение получила добровольная служба. Эта форма зависимости с самого начала характеризовалась противоречивыми чертами. Наряду с тенденцией, наметившейся в период складывания института добровольной службы, к относительной свободе добровольных людей, почему эта форма отношений могла выступать в качестве альтернативы холопства, весьма ощутимо проявлялась и другая тенденция — к приобретению добровольной службой черт зависимости холопского типа. Правда, вплоть до 1597 г. ни та ни другая тенденции не стали господствующими, но все же добровольная служба все более втягивалась в сферу холопских отношений и эволюционировала в этом направлении.

Институт добровольной службы, получивший не позднее конца XVI в. массовое распространение, несмотря на ряд законодательных мероприятий середины столетия, призванных затормозить его количественный рост, не претерпел существенных качественных изменений. Как и прежде, его функционирование характеризовалось противоположными тенденциями — к свободе и к закрепощению. При этом если формально законодательство стояло на точке зрения признания добровольных людей свободными, почему власти и стремились ограничить развитие этого института, то повседневная практика все в большей степени привносила в него элементы холопской зависимости¹.

Уложение от 1 февраля 1597 г. о холопстве² призвано было существенно изменить статус добровольной службы и способствовать ликвидации этого института. В нем данная категория наряду с прежними обозначениями («добровольные люди», «служит добровольно», «бескрепостная служба», «бескабальная служба») получает впервые в законодательстве термин «холоп» в противоположенном по существу сочетании — с определением «добровольный», «вольный» («добровольный холоп», «вольный холоп»). Уложением было предписано перевести в течение весьма короткого срока всех без исключения добровольных холопов, прослуживших к 1597/98 г. не менее полугода, в категорию кабальных людей. Одновременно холоповладельцам разрешалось и впредь принудительно переводить добровольных холопов, полугодовая служба которых истекала после 1597—1598 гг., в категорию кабальных холопов — лишь бы было доказано, что установленный

законом шестимесячный срок истек. Кроме того, предусматривалась обязательная служба добровольных холопов, прослуживших не менее полугода, по смерть их господ, чем добровольное холопство приравнялось фактически к кабальному холопству³.

До 1597 г. старинное холопство представляло собой аморфный конгломерат людей, служивших как по холопским крепостям их предков, так и в силу специфических особенностей службы этих предков, чья неволя не оформлялась какими-либо крепостными актами. Положение старинных холопов фактически было однотипным с положением полных холопов, поскольку «старина» уравнивала все виды холопства между собой и приравнивала их к полному холопству⁴. Уложение 1597 г. выделило из этой массы старинных холопов группу документально не оформленных старинных холопов, т. е. таких, зависимость предков которых хотя и была оформлена документально, но документы эти не сохранились, а также таких, чьи предки превратились в холопов в силу специфических особенностей их службы (служба во дворе, в качестве тиунов или по сельскому ключу), но без оформления на них какой-нибудь крепости, и приравнивало их к добровольным холопам, предписав поступить с ними точно так же, как предписывалось тем же уложением поступать с добровольными холопами⁵.

Реализация предписаний уложения 1597 г., адресованных добровольному холопству и приравненному к нему документально не оформленному холопству, встретила в самом конце XVI в. и в первом десятилетии XVII в. еще большие трудности, чем проведение в жизнь постановлений, относящихся к кабальному холопству, а потому в главном их последствия оказались неадекватными ожидаемому результату. Конечно, властям удалось значительно сократить численный состав добровольных холопов, о чем свидетельствует то обстоятельство, что их перевод в категорию кабальных холопов происходил первоначально интенсивно и быстро. Однако на практике этот перевод оказался и не всеобщим и не для всех холоповладельцев обязательным, с чем центральные власти вскоре после уложения 1597 г. вынуждены были примириться. Фактически холоповладельцы получили право либо оставлять статус добровольных холопов и документально не оформленных старинных холопов неизменным, либо брать на них служилые кабалы после истечения полугодичного срока в любой момент, а не сразу. Следовательно, полностью ликвидировать добровольное холопство, во всяком случае до конца первого десятилетия XVII в., властям не удалось, оно продолжало существовать, пополняясь, кроме того, за счет юридически свободного населения.

В период крестьянской войны и иностранной интервенции противоречия по холопьюму вопросу внутри господствующего класса и между холопами и холоповладельцами обострились. Предметом

особенно ожесточенной классовой и внутриклассовой борьбы оказался вопрос о добровольных и документально не оформленных холопах. Предпринимались попытки проведения различных реформ в этой области, в частности указом от 7 марта 1607 г.⁶ даже провозглашался отказ от закрепостительных принципов регулирования отношений между холоповладельцами и добровольными холопами, хотя документально не оформленные холопы при этом получали новый статус (отличающийся от статуса добровольных холопов), который затем дважды на протяжении двух лет видоизменялся. Лишь в результате курса на крепостническую стабилизацию в сфере отношений, связанных с холопством, взятого указом от 12 сентября 1609 г.⁷, было предписано возвратиться в вопросе о добровольном холопстве к уложению 1597 г. в полном его объеме⁸. В дальнейшем мы еще коснемся вопроса о том, насколько реализованными и реализуемыми были эти предписания в первой половине XVII в. Пока же необходимо отметить, что противоречивость функционирования юридически нерегламентированного института добровольной службы до 1597 г., противоречивость самого уложения 1597 г. (допускавшего фактическую возможность существования добровольного холопства, если полугодовой срок службы истекал после издания этого уложения, и одновременно предписывавшего обязательную службу таких холопов по смерти господина), хаос в отношениях между холоповладельцами и между холоповладельцами и холопами в связи с событиями начала XVII в. — все это наложило отпечаток на практику функционирования института добровольного холопства и документально не оформленного холопства в первой половине XVII в.

Условия поступления людей в добровольное холопство и условия их службы также накладывали отпечаток на эту практику. В источниках они, впрочем, почти не отразились. Это и естественно. Другие формы отношений между господином и работником (кабальное холопство, крепостное крестьянство) оформлялись различного рода актами (служилые кабалы, порядные и ссудные грамоты), в которые вносились такие условия, и регистрировались представителями властей. Отношения же между добровольными холопами и их господами не фиксировались документально, устанавливались без свидетелей и основывались на устной договоренности и на обычае. Можно все же утверждать, что человек, поступавший в добровольное холопство, как правило, не продавал себя, подобно холопам других категорий, оформляемым крепостным актом, за какую-то определенную сумму.

Это была служба за прокорм и одежду, получаемые от господина, т. е. самопродажа за прокорм и одежду. О том свидетельствует прежде всего формула уложения 1597 г., обосновывавшая право господина взять на добровольного холопа, прослужившего не менее полугода, служилую кабалу: «потому что тот человек того добровольного холопа кормил, и одевал, и обувал»⁹. Показа-

телен в этой связи аргумент, который приводит Павлик Бешенцов, пытаясь отвергнуть факт своей службы именно в добровольном холопстве у Григория Крюкова: он, оказывается, «пил и ел свое, а не ево»¹⁰. Указание на то, что те или иные лица «кормились собою»¹¹, встречается обычно в тех случаях, когда было важно подчеркнуть отсутствие зависимости типа добровольного холопства. Само собой разумеется, применительно к документально не оформленным старинным холопам нельзя говорить об условиях *поступления* в холопство, ибо они «служили исстари», но и они служили, как правило, за прокорм и одежду.

Кабальные книги первой половины XVII в. дают некоторое, хотя, безусловно, приблизительное, представление о контингенте лиц, поступавших в добровольные холопы. Дело в том, что при оформлении служилых кабал на бывших добровольных холопов представители властей, регистрировавшие их в кабальных книгах, довольно часто выясняли и фиксировали обстоятельства их прежней жизни, в частности социальное положение, предшествовавшее поступлению в добровольное холопство. Наибольшей полнотой в этом отношении отличаются кабальные книги по Новгороду и Заонежской половине Обонежской пятины.

Источники формирования добровольного холопства выявляются на основе изучения социального положения людей до их поступления в добровольные холопы по Новгороду в 1614/15—1615/16, 1621/22—1623/24, 1631/32—1640/41, 1644/45—1649/50 гг. (табл. 1) и по Заонежской половине Обонежской пятины в 1623/24, 1624/25, 1631/32, 1633/34—1636/37, 1638/39—1639/40, 1644/45—1649/50 гг. (табл. 2). В приведенных таблицах отражены все сведения о добровольных холопах, поступавших в кабальное холопство — безотносительно к тому, имеются ли в кабальных книгах данные о предшествующем социальном положении этих добровольных холопов.

Обращает на себя внимание, в частности, большой процент работавших в прошлом по найму среди поступавших в добровольные холопы в Новгороде — их удельный вес приближается к трети всех добровольных холопов. Немало здесь среди добровольных холопов и бывших нищих (более 10%). Роль остальных категорий свободных людей (гулящих, вышедших из плена, казаков, стрельцов) в формировании добровольного холопства в Новгороде невелика (5,8%). Что же касается холопов, поступавших в добровольное холопство, то точное соотношение их категорий не поддается учету, так как в кабальных книгах чаще всего указывалась принадлежность к холопам обобщенно, без отнесения к той или иной разновидности. Наконец, необходимо отметить, что тяглые крестьяне и бобыли, как правило, в добровольные холопы не попадали — их число и процент ничтожны.

Сравнение данных по Новгороду с данными по Заонежской половине Обонежской пятины свидетельствует о том, что, за не-

Т а б л и ц а 1 *

Социальное положение добровольных холопов до похолопления	Число людей **	%	Социальное положение добровольных холопов до похолопления	Число людей **	%
Работали по найму	92	28,2	Бобыли	5	1,5
Гулящие люди	1	0,3	Холопы (без определения категорий)	43	13,1
Были в плену	14	4,3	Старинные холопы	8	2,4
«В казаках»	1	0,3	Кабальные холопы	7	2,1
Стрельцы	3	0,9	Добровольные холопы	11	3,4
Нищие	34	10,4	Нет сведений	106	32,5
Крестьяне	2	0,6	Итого	327	100,0

* Стокгольмский гос. архив Швеции, ф. Новгородских документов, кн. 65, 107 (микрофильм хранится в Архиве ЛОИИ); ЦГАДА, ф. 1144, оп. 1, кн. 1, л. 182—182 об.; кн. 17, л. 1—86 об., 186 об. — 284, 368 об. — 454 об.; кн. 21, л. 1—52, 117—166 об., 215—336, 373—454 об.; кн. 23, л. 1—96 об., 185—274, 417—476, 481—491; кн. 25, л. 1—92, 250—300, 302—326, 489—569; кн. 28, л. 1—102 об., 334—399 об., 406—406 об., 401—405 об., 400—400 об., 407—417; кн. 29, л. 1—13 об., 14а—14а об., 14—14 об., 15—54 об., 55—70, 237—304 об.; ф. 137, оп. 1, кн. 36, л. 2—54, 281—397 об.

** Поступавшие в добровольное холопство семьи принимаются за одно лицо.

Т а б л и ц а 2 *

Социальное положение добровольных холопов до похолопления	Число людей **	%	Социальное положение добровольных холопов до похолопления	Число людей **	%
Работали по найму	7	5,3	Холопы (без определения категорий)	10	7,6
Нищие, работавшие по найму ***	9	6,8	Старинные холопы	5	3,8
Нищие	25	18,9	Кабальные холопы	2	1,5
Были в плену	2	1,5	Добровольные холопы	18	13,6
Крестьяне	1	0,8	Нет сведений	47	35,7
Бобыли	6	4,5	Итого	132	100,0

* ЦГАДА, ф. 1144, оп. 1, кн. 1, л. 184—191 об.; кн. 19, л. 1—40 об.; кн. 21, л. 109—116, 362—371, 509—526; кн. 23, л. 180—183, 412—416 об.; кн. 25, л. 244—248, 480—487; кн. 28, л. 325—333 об., 622—630; кн. 29, л. 210—215, 468—480; ф. 137, (Боярские и городовые книги), оп. 1, кн. 36, л. 176—185 об., 508—513.

** Поступившие в добровольное холопство семьи принимаются за одно лицо.

*** Нищие и работавшие по найму объединены в тех случаях, когда в кабальных книгах указывается, что люди «питались христовым именем и ходили по наймам».

многими непринципальными исключениями, источники формирования добровольного холопства были в них аналогичными. Правда, в пятине значительно меньшую роль, чем в Новгороде, в формировании добровольного холопства играли люди, работавшие до этого по найму. Но такое различие вполне объяснимо и естественно: в Новгороде, крупном центре ремесла и торговли,